

УДК 801,5+802,0

Маніпулятивний потенціал метафор у політичній комунікації
Манипулятивный потенциал метафор в политической коммуникации
Manipulative potential of metaphors in political communication

I.M. Рудик / И.Н. Рудик / I.M. Rudyk

Житомирский государственный университет им. И. Франко

У статті розглянуто причини застосування метафори як знаряддя маніпулятивного впливу в політичній комунікації з позицій лінгвістики, філософії й психології. Встановлено, що завдяки образності метафору використовують для впливу на переконання й емоції адресата. Виявлено, що найбільш поширеними в українському політичному дискурсі є військово-мілітаристські метафори.

Ключові слова: метафора, політична комунікація, маніпуляція, образ.

В статье рассмотрены причины использования метафоры как инструмента манипулятивного воздействия в политической коммуникации с позиций лингвистики, философии и психологии. Установлено, что благодаря образности метафору используют для воздействия на убеждения и эмоции адресата. Выявлено, что самыми распространёнными в украинском политическом дискурсе являются военно-милитаристские метафоры.

Ключевые слова: метафора, политическая коммуникация, манипуляция, образ.

The article studies the causes of using metaphor as a tool of manipulative influence in political communication from a linguistic, philosophical and psychological perspective. The author claims that due to its imagery metaphor is used to target the addressee's beliefs and emotions, and argues that military metaphors are most commonly used in the Ukrainian political discourse.

Key words: metaphor, political communication, manipulation, image.

Во вступительной статье к сборнику “Language, Power and Ideology”, посвящённому проблемам отражения в языке социальной реальности и её структурирования с помощью языка [6, с. xiii], профессор Венского университета Рут Водак цитирует Бертольда Брехта: “*Questions asked of a sentence*

1. *What is the use of a sentence?*
2. *To whom does it pretend to be useful?*
3. *What is its challenge?*
4. *What is its practical purpose?*
5. *Which sentence follows which sentence? What sentences support it?*
6. *In what situation is it spoken? By whom?”*

Эти вопросы, с незначительными терминологическими поправками, и сегодня задают направление исследований в области прагмалингвистики, социалингвистики, психоллингвистики, с той лишь разницей, что в рамках упомянутых лингвистических течений мы оперируем понятиями уже не предложения, а коммуникативного и речевого актов, текста, дискурса. Среди исследований, наиболее часто отталкивающихся от вопросов Б. Брехта – исследования в сфере политической коммуникации, что неудивительно, поскольку именно в политической коммуникации активно предпринимаются попытки контроля над массовым адресатом через вторжение в его когнитивное пространство и изменение его картины мира. Такой контроль кажется нам ничем иным, чем проявлением символической власти:

“the power to constitute the given by discourse, the power to make us see and believe, the power to confirm or transform a vision of the world, and thereby a way of acting in the world, an almost magic power with which to obtain the equivalent to what is obtained by violence“ (Bourdieu, цит. по [3, с. 679]).

Целью участников политической коммуникации, как известно, является получение и удержание власти, и основным средством её достижения считают манипуляцию, которая, по определению Т. ван Дейка, является коммуникативной

и интерактивной практикой, при которой манипулятор осуществляет контроль над другими людьми вопреки их воле или интересам [5, с. 361]. Манипулятивное воздействие в политической коммуникации столь велико, что позволяет говорить о манипулятивном новостном тексте:

“Идеальным примером манипулятивного новостного текста оказались все доступные нам новостные тексты, освещающие предвыборную президентскую кампанию в США «Elections 2000»” [1, с. 278].

Одним из самых действенных, а потому, очевидно, наиболее изученных манипулятивных приёмов является использование в политической коммуникации терминологии

- спортивно-игровой;
- театральной;
- военно-милитаристской.

Исчерпывающее объяснение этому находим у А.В. Олянича:

“Это обстоятельство можно ... объяснить как некую манипулятивную тактику власти..., заключающуюся в том, чтобы популярно – в хорошо известных электорату спортивных понятиях – объяснить, указать или навязать держателям голосов свою позицию по отношению к политическому противнику, чтобы затем данными действиями склонить электорат на свою сторону” [1, с. 279].

Именно выявление причин использования метафоры как инструмента манипулятивного воздействия в политической коммуникации и является целью настоящего исследования.

Дополнительным эффектом употребления в политической коммуникации спортивной, театральной, военной метафор является стимуляция наглядно-образного мышления. Образное выражение, заключённое в метафору, обладает гораздо более сильным манипулятивным потенциалом, чем сухое необразное высказывание, поскольку *“передает не только голый факт, но и отношение к*

нему” [2]. Если под “голым фактом” понимать информацию, формирующую убеждения адресата, то “отношение к нему”, очевидно, подразумевает информацию, формирующую эмоции реципиента. Именно эта двоякая направленность – на убеждения и эмоции адресата – и объясняет, на наш взгляд, такой мощный потенциал метафор в массовой коммуникации. Ведь в философском понимании манипуляция как вид скрытого психологического давления может реализовываться путём воздействия на своеобразные “рычаги” человека: его убеждения, желания и эмоции [4], что было предметом нашего детального анализа в предыдущей статье. Полагаем, что метафоры являются действенным манипулятивным инструментом благодаря одновременному воздействию на два “рычага”, убеждения и эмоции адресата.

Подтверждение этой гипотезе находим и в психологии. Так, различая наглядно-образный и абстрактно-теоретический уровни мышления, С.Л. Рубинштейн анализирует роль первого в художественном мышлении, где образ не только отображает единичное, конкретное, но и выполняет обобщающую функцию, возводя частные качества в ранг типичных, общих:

“В силу того, что образ в художественном мышлении выполняет и обобщающую функцию, образное содержание художественного произведения может быть носителем его идейного содержания” [2].

Видимо, создатели политических метафор рассчитывают именно на их обобщающую функцию и способность формировать у реципиента конкретные, заранее просчитанные идеи.

Рассмотрим, насколько активно используют упомянутые метафоры участники украинского политического дискурса для борьбы за власть.

В статье Ю. Медуницы “Уряд не уникатиме відповідальності перед країною”, опубликованной в издании “Урядовий кур'єр” от 02.03.2010, находим лишь военно-милитаристские метафоры:

діяльність компанії РосУкрЕнерго... роками знекровлювала вітчизняну нафтогазову систему;

корупційними діями Україну за часів попереднього уряду позбавляли шельфу Чорного моря;

У разі позитивного розгляду принаймні третього пункту (про повернення до державної власності резиденції "Межигір'я" – І.Р.) з'явиться надія на реальну боротьбу з корупцією, наголосила Юлія Тимошенко.

Приведённые примеры являются единственными метафорами в статье, насчитывающей 249 слов. В другой статье этого же издания, общим объёмом 335 слов (“Третина від президентського вето”) встречается две метафоры, обе из военно-милитаристской сферы:

На думку Юлії Тимошенко, діяльність уряду з усіх напрямків удосконалення держави могла б бути набагато ефективнішою, якби вдалося здолати політичний саботаж у Верховній Раді.

Понад 200 законопроектів, покликаних прискорити реформування всіх сфер життя країни, осіли мертвим вантажем у стінах парламенту.

Как видим, материалы издания “Урядовий кур'єр” почти не содержат метафор; однако тем заметнее на фоне такой стилистической скупости немногочисленные военно-милитаристские метафоры. Употребление исключительно военно-милитаристских метафор сообщает анализируемым статьям значительную агрессивность.

Аналогичную ситуацию наблюдаем и в материалах издания Верховного Совета “Голос України”: статьи на политическую тематику практически не содержат образных выражений в целом и метафор в частности. Так, в статье Н. Смиян “Завтра парламент може висловити недовіру уряду” от 2.03.2010 находим лишь одну метафору, и вновь из военно-милитаристской сферы:

Та чи підє на таке зближення Партія регіонів?(речь идёт о невысокой вероятности отказа Партии Регионов от своей кандидатуры на пост премьер-

министра, а также её уступок в вопросах государственного языка, Черноморского флота и газотранспортной системы ради объединения с НУ-НС – И.Р.).

В несколько ином стиле написана статья президента В.Ф. Януковича “Ukraine Will Be a Bridge Between East and West”, опубликованная в ежедневной американской деловой газете “The Wall Street Journal” 17 февраля 2010 г. Её отличает от предыдущих большее количество метафор, которые, однако, тяготеют всё к той же военно-милитаристской сфере, например:

a financial and economic crisis that has devastated our country;

the political turmoil that has crippled Ukraine and held our country hostage for so long;

the top political forces;

to avoid confrontation and unite for the sake of saving our country.

Наряду с тяготением к военно-милитаристским метафорам, автор статьи употребляет ряд метафор, которые восходят не к одной из перечисленных сфер (спортивной, военной, театральной), а к сфере «обустройства глобальной деревни». Так, ключевым образом статьи является мост (что отражено и в её названии); лексическая единица *bridge* употреблена в статье из 808 слов 6 раз, например: *become a bridge between Russia and the West*; *bridging the gap to Russia*.

Другие метафоры этой группы: *good relations with all of our neighbors;*

rebuild relations with Moscow as a strategic economic partner;

increase our standing in the world economic community;

I will endeavor to build a bridge ..., not a one-way street in either direction.

Эти образы смягчают агрессивность военно-милитаристских метафор и изображают Украину и её лидера «строителями мира».

Ярко контрастирует с упомянутыми новостными текстами статья О. Горбунова “Ключевым игроком, который определит итоги второго тура украинских выборов, будет Сергей Тигипко” от 15.01.2010, опубликованная изданием Одесской региональной общественной организации “Единое Отечество”. О. Горбунов употребляет многочисленные метафоры, причём из разных областей:

- из спортивно-игровой области:

команда Тимошенко;

...едва ли «регионалы» окажутся более мобильными в качестве творцов поствыборных коалиций – здесь нет равных Тимошенко. Пока мяч на ее поле.

...он (С. Тигипко – И.Р.) рассматривается политологами как сильный и относительно независимый игрок на украинском политическом поле;

...ведущей «двойке» Тимошенко-Янукович предстоит договариваться не только между собой, но и с массой новых лидеров, которые пробьются в парламент нового созыва.

Ющенко ожидает ожесточенная конкуренция с Олегом Тягнибоком – им вдвоем предстоит поделить весь националистический электорат Украины.

- из военно-милитаристской области:

добиться хорошей мобилизации своего электората;

...наилучшие позиции среди них занимает Сергей Тигипко;

Однако в Тигипко они находят и серьезного противника.

Максимум мобилизационного потенциала Виктора Януковича во втором туре – тоже 10 миллионов избирателей.

- из театральной области:

за кулисами ведется спор.

Следует упомянуть ещё одну метафору, которая по своей образности находится на стыке первых двух сфер – спортивно-игровой и военно-милитаристской:

На грядущих парламентских выборах такие окрепшие «орлики» как Тигипко, Яценюк, Тягнибок и, возможно, Гриценко станут сильным фактором политики.

Таким образом, большинство задействованных автором метафор восходят к области спорта, некоторые другие – к области военных действий и одна – к области театра. И несмотря на определённую родственность этих сфер

(А.В. Олянич, например, совершенно справедливо отмечает близость концептов «война» и «игра», а также упоминает о драматургической составляющей военно-политического дискурса [1, с. 291]), следует признать значительную зависимость общей тональности новостного текста от употреблённых автором метафор. В частности, доминирование в статье военно-милитаристских метафор, особенно на фоне полного отсутствия в нём метафор из каких-либо других областей, приводит к усилению агрессивности текста.

Проанализировав роль метафор в политической коммуникации, приходим к выводу об их мощном манипулятивном потенциале, который обусловлен, во-первых, способностью метафор одновременно воздействовать на убеждения и эмоции адресата, а во-вторых – присущей им обобщающей функцией, благодаря которой реципиент возводит частные качества в ранг типичных. Кроме того, как показывает анализ фактического материала, участники украинского политического дискурса склонны использовать преимущественно или исключительно военно-милитаристские метафоры, которые на фоне общей стилистической скупости текстов выражают агрессивность.

В этой связи перспективы дальнейших исследований состоят, на наш взгляд, в сопоставительном анализе метафоры наряду с другими образными выражениями, стимулирующими наглядно-образное мышление, а также в изучении межкультурных характеристик метафоры в политическом дискурсе.

Список литературы:

1. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса: Монография / А.В. Олянич. – М.: Гнозис, 2007. – 407 с.
2. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии [Электронный ресурс] / С.Л. Рубинштейн. – СПб., 1998. – Режим доступа: <http://azps.ru/hrest/28/33757.html>
3. Millot B. Symbol, desire and power / B. Millot // Theory, culture and society. – 1988. – Vol. 5. – P. 675-694.

4. Noggle R. Manipulative actions: a conceptual and moral analysis / R. Noggle // American Philosophical Quarterly. – 1996. – Volume 33, n. 1. – P. 43-56.
5. Van Dijk T. A. Discourse and manipulation / T.A. Van Dijk // Discourse & Society. – 2006. – №17 (3). – P. 359-383.
6. Wodak R. Language and power / R. Wodak // Language, power and ideology. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1989. – P. xiii-xix.